

Несмотря на сказанное, чтение *ж Рост|тьць* ⟨*оу Ростьцьѣ*⟩ нельзя признать окончательным. Смущает полное отсутствие других следов имени *Ростьца* — при множественности топонимических отражений вариантов *Ростько* и *Ростька* (см. Васильев 2012: 271–272; точно так же обстоит дело и с другими гипокористиками традиционных дохристианских имен: формы типа *Радко*, *Путко* и их производные известны во множестве, тогда как варианты **Радьца*, **Путьца*, кажется, отсутствуют).

Это заставляет с вниманием отнестись к еще одной возможной интерпретации рассматриваемого фрагмента. Кажется симптоматичным, что он содержит корень *рост-*, который, помимо своего основного значения, имеет также специальное «финансовое», хорошо подходящее к контексту грамоты, где речь идет об условиях займа. Хотя само слово *ростъ* в значении ‘проценты’ в берестяных грамотах пока не встретилось, в них дважды зафиксирован *изростъ*, неизвестный — что характерно — ни из каких других письменных источников. Нельзя ли трактовать слово *уростьць* как уменьшительную форму от *уростъ*, составляющего такую же пару к *прирост*, как *убыток* — к *прибыток*? Слово *урост*, отсутствующее в словарях русского языка, между тем, безусловно представлено в современном употреблении, пусть и на правах окказионализма. Поиск в Интернете обнаруживает и «урост населения», и «урост сырьевой базы», и даже «урост экономики РФ в 2011 г.» (в Живом журнале, с ироническим пояснением, что *урост* — «новый экономический термин, обозначающий рост показателя в обратную сторону»; впрочем, понятие «отрицательный рост» давно прижилось в экономической науке)³. Значение предполагаемого *уростьць* может быть на этом фоне определено как ‘убыток в виде неполученных процентов’, а фраза: *хочъ в[ы]р[ж]т[и]и жро[ст]т[ь]ч[ь] въ држгжю тр(е)[ть]* — переведена следующим образом: ‘я, путем конфискации, возьму убыток (из расчета процентов) в две трети’.

Предлагаемое прочтение концовки грамоты, как кажется, проливает свет на неясное место в грамоте № 710. В этом документе, представляющем собой распоряжение взять у названных лиц определенные суммы денег, имеется небольшая лакуна в середине, на выходе из которой читается слово *урезокъ*: *а ѿ радъ[ка] (въ зьми) -----|-- [ѿ]рѣзъкъ*. «Долги в грамоте № 710, — отмечено в комментарии, — исчисляются в обычных для ее времени денежных единицах: гривнах серебра, гривнах кун, ногатах, кунах, резанах. Тем досаднее невозможная утрата текста в обозначении долга Радка, выраженного в *урѣзкъ* («отрезке») чего-то» (НГБ-Х: 11). Однако включение понятого таким образом «урезка» в однородное перечисление денежных сумм выглядит странным: в других подобных реестрах (№ 410, 509, 526 и др.) фигурируют исключительно деньги; возможные же уточнения касаются не материального выражения указанных сумм, а только их статуса (основная сумма долга или проценты). Наше прочтение № 332б позволяет в том же ключе трактовать и *урѣзкъ* из № 710: мы предлагаем видеть в нем синоним слова *уростьць*, использующий еще одно обозначение процентов — *рѣзь* и имеющий ту же словообразовательную структуру. В контексте грамоты *урѣзкъ* было, по всей вероятности, пояснением к указанию суммы долга Радка или части этой суммы (ср. упоминание невыплаченных процентов в № 510: *не въдале двѣоихъ намъ*).

№ 333 (XIII в.) [ГЗ]. В издании сказано: «Разделению на слова текст не поддается». Выделено только два слова, из них одно (*любовѣ*) неверно. В ДНД₂ грамота не включена (но в указатель из нее помещены словоформы *Хътъна*, *Ньсъдѣ* и *любо*). Новая фотография позволила представить грамоту в следующем виде:

...[оу] хътъна
 ...ъ ньсъдѣ
 ...ю любо вѣ
 ...ии мои
 ...[р]и и афон-
 ...тоѣ

³ Заметим, что язык «рунета», представляя собой широкий срез современного состояния живого русского языка, уже не раз обнаруживал замечательные совпадения с берестяными грамотами, объясняемые использованием одних и тех же системных возможностей лексики (ср. в данном томе комментарии к лексемам *продажник* и *подпродатися*, встретившимся в грамотах № 1001 и 1009).